

© 2003 г.

Т. И. ОЙЗЕРМАН

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЛИБЕРАЛИЗМ ТОЛЬКО ИДЕОЛОГИЕЙ?

ОЙЗЕРМАН Теодор Ильич - академик Российской академии наук.

Всякая идеология есть система (в худшем случае лишь совокупность, собрание) более или менее теоретически обосновываемых **убеждений**, отражающих положение и коренные интересы исторически определенного класса. Далеко не каждый класс обладает идеологией, если, конечно, ее понимать в вышеуказанном смысле. В античном обществе господствующим классом были свободные граждане, т.е. те, которые не были рабами. Суть рабовладельческой идеологии образно выразил древнегреческий поэт Феогнид: "Не вырасти розе из луковицы, свободному не родиться от рабыни".

У рабов не было своей идеологии, хотя, конечно, существовало рабское сознание, которое принимало то форму покорности, примирения с судьбой, то бунтарскую, в отдельных случаях революционную форму. Ее и быть не могло, поскольку они представляли собой разношерстную, разрозненную, разноплеменную массу. Не было своей идеологии и у феодального крестьянства, но его классовые интересы в известной мере выражала идеология "третьего сословия", противостоявшая идеологии господствующих классов - феодальных помещиков и духовенства (феодальная церковь, как известно, была едва ли не крупнейшим собственником земли). Лидером "третьего сословия" была выделившаяся из него буржуазия; ее идеология и получила название **либерализма**.

Сам этот термин, как нетрудно понять, происходят от латинского слова "свобода" (**libertas**), которое в измененном виде вошло во все романские языки (напр., во французском: **liberte**). Во французском философском словаре, впервые вышедшем в свет в 1902 г., свобода определяется так: "человек свободный есть человек не являющийся рабом или узником. Свобода есть состояние того, который делает то, что он хочет, а не то, что хочет другой, отличный от него; она есть отсутствие внешнего принуждения" [1].

Тот факт, что центральным понятием идеологии либерализма является понятие свободы, несомненно не может не вызвать вопроса: можно ли рассматривать либерализм только как идеологию буржуазии, борющейся против феодальной кабалы? Нет ли в либерализме, кроме его вполне очевидного буржуазного содержания, и **определенного общечеловеческого императива?**

К. Маркс и Ф. Энгельс в период формирования своего учения, получившего впоследствии название "марксизм" (кстати сказать, это название впервые "придумали" критики учения Маркса и Энгельса), были либеральными демократами. Достаточно ознакомиться со статьями молодого Маркса в "Рейнской газете", опубликованными в

1842-1843 гг. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на его статью "Дебаты о свободе печати", в которой подвергаются острому критическому анализу прения по данному вопросу в прусском ландтаге. Маркс самым решительным образом, в отличие от депутатов ландтага, выступает за свободу печати, против какой бы то ни было цензуры. Он пишет: "Свобода печати - это зоркое око народного духа, воплощенное доверие народа к самому себе... Свободная печать - это откровенная исповедь народа перед самим собой, а чистосердечное признание, как известно, спасительно. Она - духовное зеркало, в котором народ видит самого себя, а самопознание есть первое условие мудрости. Она - дух государств, который доставляется в каждую хижину с меньшими издержками, чем материальное средство освещения. Она всесторонняя, вездесуща, всеведуща. Она - идеальный мир, который непрерывно бьет ключом из реальной действительности и в виде все возрастающего богатства духа обратно вливается в нее животворящим потоком" [2].

Само собой разумеется, что в ходе последующего процесса формирования марксизма отношение Маркса к либеральной идеологии существенно изменилось. Он, естественно, отказался от воззрения, что свободная печать представляет собой "дух государства", так как такое воззрение было несовместимо с материалистическим пониманием классовой структуры государства, политического господства капиталистов в буржуазном обществе. При этом, однако, Маркс ни в малейшей степени не отказался от демократических требований свободы печати и отмены цензуры, требований, зародившихся в лоне либерализма и получивших в рамках этой идеологии значительное развитие и распространение. Можно поэтому полностью согласиться с выдающимся, прогрессивным американским социологом Ч.Р. Миллсом, который утверждал: "То, что является наиболее ценным в классическом либерализме, наиболее убедительно и плодотворно воплощено в классическом марксизме" [3].

Миллс, конечно, не случайно говорит о **классическом марксизме**, т.е. об учении Маркса и Энгельса. Ленин и его сторонники были непримиримыми противниками свободы печати, решительными сторонниками строжайшей цензуры. Десятый съезд ВКП(б) принял даже не подлежащее опубликованию постановление о запрещении каких бы то ни было фракций внутри партии, т.е. фактически запретил и внутрипартийную демократию. Ленин неустанно бичевал либерализм, истолковывая его как ...отрицание демократии. Не удивительно поэтому, что с точки зрения Ленина демократия в условиях т.н. диктатуры пролетариата (на деле же диктатуры от имени пролетариата) есть отрицание парламентаризма, т.е. избранного народом независимого от исполнительной власти законодательного собрания.

Ленин вообще отвергал основополагающий принцип либерализма - разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, ссылаясь при этом на Парижскую Коммуну, которая существовала всего 72 дня и, находясь по существу в осадном положении, в состоянии войны, естественно не могла осуществить необходимое в любом демократическом государстве разделение властей. Игнорируя это в высшей степени существенное обстоятельство, Ленин в "Черновом наброске программы РКП(б)" писал: "Советская конституция в то же время уничтожает выясненные уже со времени Парижской Коммуны отрицательные стороны парламентаризма, особенно отделение **законодательной и исполнительной властей...**" [4]. В этом же наброске утверждается, что "партия коммунистов, отбрасывая демократические лозунги, упраздняет без остатка и такие органы буржуазного господства как суды прежнего устройства, заменяя их классовыми рабоче-крестьянскими судами". Нетрудно понять, что то, что Ленин именует классовыми судами, означает отрицание **равенства** всех граждан перед законом, отрицание демократического судопроизводства.

Таким образом, ленинское противопоставление демократии либерализму есть не только отрицание либерализма, но и отрицание демократии. Понятно поэтому, почему "Советский энциклопедический словарь", содержание которого вполне выдержано в т.н. марксистско-ленинском духе, не видит в либерализме ничего другого кроме выражения интересов класса капиталистов. Либерализм, утверждает он, есть "буржуазное идеологи-

ческое и общественно-политическое течение, объединяющее сторонников парламентского строя, буржуазных свобод и свободы капиталистического предпринимательства" [5]. Чтобы понять не просто ошибочность, но и предвзятое введение в заблуждение читателя в приведенном утверждении, обратимся к тому, что действительно утверждали родоначальники либерализма и их продолжатели.

Составители хрестоматийного издания "О свободе" с подзаголовком "Антология западноевропейской классической либеральной мысли" начинают историю либерализма с "Надгробной речи Перикла", выдающегося представителя рабовладельческой демократии. Затем они переходят к Джону Мильтону - выдающемуся политическому деятелю и гениальному поэту эпохи первой английской буржуазной революции, далее следуют Д. Локк, Вольтер, Ш. Монтескье, И. Кант, В. Гумбольдт, Б. Констан, Дж. Ст. Милль, и в конце этого списка оказывается Г. Спенсер. В рамках небольшой статьи мы не станем рассматривать всех этих выдающихся представителей либерализма. Остановимся лишь на взглядах Д. Локка, современника Великой английской революции, Ш. Монтескье - предшественника Великой французской революции, осуществившим идеологическую революцию, без которой была бы невозможна последовавшая вскоре политическая революция, всемирно-историческое значение которой общепризнанно, и в заключение рассмотрим воззрения Дж. Ст. Милля - либерального мыслителя наступившего уже в Англии промышленного капитализма.

Д. Локк, осуждая религиозную и всякую иную нетерпимость по отношению к непокорным гражданам, проповедует, прежде всего, свободу совести, а также и право на инакомыслие, которое не вправе запрещать, а тем более наказывать даже верховная власть. По его словам, "...не надо думать, что люди должны предоставлять правителю власть выбирать для них путь к спасению, - власть слишком большую, чтобы ее отдавали, а то и вовсе не подлежащую передаче", так как "каждый человек имеет полную и неограниченную свободу мнений и вероисповедания, которой он может невозбранно пользоваться без приказа - или вопреки приказу - правителя, не зная за собой вины или греха...". Отсюда следует вывод: "Никого не следует заставлять отказаться от своего мнения или сменить его на противоположное, потому что такое насилие не достигает цели, ради которой его применили. Оно не может изменить образа мыслей людей, способно лишь сделать их лицемерами" [6]. Я процитировал "Опыт о веротерпимости", написанный Локком в 1667 г., когда установившееся в Англии правительство Реставрации начало преследование религиозной свободы. Выступая против этой ретроградной политики, Локк публикует, правда, анонимно "Послание о веротерпимости", в котором развивает приведенные выше положения, но вместе с тем оговаривается: "...те, кто не признает существование божества, не имеют никакого права на терпимость. Ибо для атеиста ни верность слову, ни договоры, ни клятвы, т.е. все, на чем держится человеческое общество, не могут быть чем-то обязательным и священным, а ведь если уничтожить Бога только в мыслях, то все это рухнет" [6, с. 125, 331, 349].

В другом своем сочинении - "Два трактата о правлении" Локк выступает против реакционного политика Р. Филмера и его последователей, упорно защищающих неограниченную монархию, абсолютизм. Локк - убежденный приверженец ограниченной монархии, ибо, по его словам, каждый человек **"по природе свободен**, и ничто не в состоянии поставить его в подчинение какой-либо земной власти, за исключением его собственного согласия...". Локк уже разграничивает законодательную и исполнительную власти и, признавая верховенство первой, вместе с тем настаивает на том, что "законодательная власть представляет собой лишь доверенную власть, которая должна действовать ради определенных целей, и поэтому по-прежнему остается у **народа верховная власть** устранять или **заменять законодательный орган**, когда народ видит, что законодательная власть действует вопреки оказанному ей доверию". Таким образом, Локк по существу предвосхищает идею Руссо о неотчуждаемом суверенитете народа. Правда, он не указывает, каким путем народ может заменить действующую вопреки его интересам законодательную власть.

Либерализм XVII в. был еще далек от допущения всеобщего избирательного права, а тем более права народа на насильственное низвержение власти, поступающей вопреки установленным в обществе законам. Поэтому его утверждение о том, что каждый человек вправе подчиняться лишь той власти, которая установлена с его согласия, остается лишь заверением, пожеланием, надеждой, обращенной в будущее.

С гораздо большей определенностью и обоснованностью Локк утверждает, что исполнительная и законодательная власть не могут находиться в одних руках; они должны принадлежать разным лицам. И хотя законодательная власть по определению издает законы, она сама, как и исполнительная власть, обязана подчиняться законам. **"Где кончается закон, начинается тирания"**, которой "можно оказывать сопротивление, как и всякому другому человеку, который посягает на права другого" [6, с. 379]. Но и это положение не конкретизируется, как только речь заходит о коронованной особе.

Перейдем теперь к анализу воззрений Ш. Монтескье, который в 1748 г., т.е. за 40 с лишним лет до Великой французской революции опубликовал свой ставший знаменитым труд "О духе законов", в котором всесторонне обосновал разделение властей, тесно связав его с обоснованием гражданской свободы. В отличие от Локка, он выделяет третью независимую власть - судебную. "Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. Если судебная власть соединена с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем" [7]. Преступнику, утверждает Монтескье, должно быть предоставлено право выбирать своих судей или по крайней мере отводить их "в числе настолько значительном, чтобы на остальных можно было бы уже смотреть как на им самим избранных". Такая постановка вопроса уже предвосхищает суд присяжных.

Монтескье еще ограниченно понимает гражданскую свободу, по-видимому учитывая то обстоятельство, что во Франции все еще существовали различные феодальные повинности крестьян. Поэтому свобода гражданина "может заключаться лишь в том, чтобы иметь возможность делать то, чего должно хотеть, и не быть принуждаемым делать то, чего не должно хотеть". И, заявляя, что законодательная власть должна принадлежать всему народу, который избирает своих представителей, способных компетентно обсуждать государственные дела, Монтескье вместе с тем ограничивает круг избирателей. Право голоса "для выбора представителей должны иметь все граждане, исключая тех, положение которых так низко, что на них смотрят как на людей, неспособных иметь свою собственную волю" [7, с. 289,293]. Эта достаточно неопределенная формулировка позволяет лишить избирательных прав значительную, если не большую часть взрослого населения.

Остановимся кратко на политических воззрениях Д. Дидро, высказанных в знаменитой "Французской энциклопедии", сыгравшей едва ли не важнейшую роль в идеологической подготовке Великой французской революции. Замечательной особенностью этого многотомного труда является обстоятельное, я сказал бы даже любовное описание различных трудовых, производственных процессов. Исследователь Энциклопедии Ж. Пруст в этой связи справедливо указывает, что много известных и неизвестных ремесленников, которые "фактически ничего не писали в Энциклопедии, заслужили тем не менее право именоваться энциклопедистами за свою преданность общему делу, которую они проявляли, предоставляя издателям, посылая им свои критические замечания или просто даже за то тщание, с которым они разясняли свое ремесло неопытному в этой области Дидро" [8].

Франция, как и все европейские страны (за некоторым, пожалуй, исключением лишь в Англии) была в эту эпоху аграрной, крестьянской страной. И Дидро в статье "Земледелие" восхваляет его как "самое важное из всех искусств". В статье "Пахарь" он осуждает праздность, как повседневное "занятие" высших сословий и источник нравственной порчи. "Несчастье в стране, - пишет он, - в которой оказывается фак-

том то, что пахарь пребывает в нищете: это может быть у нации, которая сама становится все более бедной и где прогрессирующий упадок вскоре начнет ощущаться в самых печальных последствиях" [9]. В другой статье "Учреждение" Дидро ополчается на праздность как главную причину социального зла. "Позволять большому числу людей жить на даровщинку (*gratuitement*) - значит поддерживать праздность и все беспорядки, которые являются ее следствием. Это значит создавать преимущество лентяю по сравнению с трудящимся человеком" [10]. Как видим, Дидро и другие французские просветители были идеологами "третьего сословия", которые в эту эпоху были далеки от какого бы то ни было противопоставления буржуазии трудящимся, интересы которых они так же защищают, как и интересы тогдашней молодой буржуазии.

В заключение остановимся на либерально-демократических воззрениях Дж.Ст. Милля, современника Маркса и Энгельса. Маркс подвергает его обстоятельной критике в четвертом томе "Капитала" за рикардрианское, ошибочное смешение прибавочной стоимости и прибыли, но совершенно не касается его **демократических** воззрений, которые выражены в учении Милля столь радикальным образом, что они несколько не потеряли своей **актуальности** и по сей день.

Дж.Ст. Милль разграничивает три основных вида свободы человека в гражданском обществе. Во-первых, это - "та сфера человеческой жизни, которая имеет непосредственное отношение только к самому индивидууму...". Это - "свобода совести в самом обширном смысле этого слова, абсолютная свобода мысли, чувства, мнения касательно всех возможных предметов, и практических, и спекулятивных, и научных, и нравственных, и теологических". Во-вторых, это - "свобода выбора и преследования той или иной цели, свобода устраивать свою жизнь сообразно со своим личным характером". Ограничение этой свободы допустимо лишь в том случае, если она идет во вред другим людям. В-третьих, это - "свобода действовать сообща с другими индивидуумами, соединяться с ними для достижения какой-либо цели, которая не вредна другим людям" [11]. Здесь имеется в виду **свобода ассоциаций**, т.е. любых объединений, союзов, партий и т.д. Только то общество свободно, подчеркивает Милль, в котором все эти виды свободы существуют одинаково для всех его членов.

Не ограничиваясь этим общим определением гражданских свобод, Милль конкретизирует его. Так, свобода печати "есть одна из необходимых гарантий против правительственного произвола и притеснения", так как "народ не должен терпеть, чтобы какая бы то ни было законодательная или исполнительная власть предписывала ему известные мнения или определяла бы, какие мнения или доктрины могут свободно доходить до его слуха, а какие нет" (с. 221). И, развивая этот тезис, Милль присовокупляет: "Полезность какого-либо мнения есть также предмет суждения, и предмет столь же спорный, также подлежащий критике и также нуждающийся в критике, как и само мнение" (с. 233). В этой связи Милль выступает против всякой **ортодоксии**, которая, по его убеждению, есть не что иное, как вера, слепая приверженность тому, что почитается за истину. По словам Милля, "общественное осуждение, тяготеющее над всякого рода исследованием, которое не согласно в своих выводах с ортодоксией, делает главным образом вред собственно не еретикам, а напротив, тем, кто верен ортодоксии". Ортодоксия упорно настаивает на **верности принципам**. Но если принципы, т.е. основополагающие суждения, - не произвольные утверждения, не априорные постулаты, а теоретические обобщения множества фактов, то почему же нельзя проверять их, исходя из новых, ранее неизвестных фактов? И Милль совершенно справедливо замечает: "...там, где принципы стоят вне критики, где обсуждение величайших вопросов человеческой жизни считается законченным, там нельзя надеяться, чтобы могла когда-нибудь развиться такая умственная деятельность, которою ознаменовались некоторые исторические эпохи" (с. 255, 257).

На этом можно завершить нашу характеристику идеологии либерализма, характеристику, которая, конечно, была односторонней. Мы не коснулись фундаментальной иллюзии либерализма, согласно которой упразднение сословных привилегий, формальное равенство всех граждан перед законом вполне обеспечивает свободную

самодеятельность всех членов общества. В либеральных теориях, которые были предметом нашего рассмотрения, мы обошли молчанием и основной принцип либерализма, согласно которому **только** частная собственность на средства производства может быть основой социального прогресса. Как видно из воззрений Локка, Дидро, Дж.Ст. Милля, ни один из этих патриархов либерализма не обосновывает необходимости всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. И это, конечно, не случайно. Ведь даже в первой программе социал-демократической партии Германии, принятой в 1869 г. и полностью одобренной основоположниками марксизма, требование всеобщего избирательного права не касается **женщин**, т.е. относится лишь к **мужчинам**. Всеобщее избирательное право для обоих полов в большинстве западно-европейских стран было введено только после... второй мировой войны.

В нашу задачу также не входило рассмотрение развития, эволюции либеральной идеологии и, прежде всего, неолиберализма, который обосновывает необходимость государственного регулирования экономических процессов. Наша задача - об этом свидетельствует все предшествующее изложение - сводилась к обоснованию тезиса: **либерализм не только идеология** исторически определенного класса, буржуазии, но также провозглашение и теоретическое **обоснование общечеловеческих демократических и гуманистических ценностей**. С этой точки зрения, как мы полагаем, надо подходить и к изучению Маркса и Энгельса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Vocabulaire technique et critique de la philosophie* par Andre Lalande. Paris. 1956. P. 558-559.
2. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 65-66.
3. *Mills Ch. R.* The Marxists. N.Y. 1962. P. 123. Развивая эту мысль, Миллс далее пишет: "...нет такого положительного идеала, поддерживаемого Марксом, который не был бы вместе с тем ценным вкладом в гуманистическую традицию" (р. 132).
4. *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 32. С. ПО, 115.
5. Советский энциклопедический словарь. М., 1987. С. 708.
6. *ЛоккДж.* Соч. в трех томах. М., 1988. Т. 3. С. 69, 70, 72.
7. *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955. С. 290, 292.
8. *Proust J.* L'Encyclopedie. Paris. 1965. P. 78.
9. *Diderot D.* Oeuvres completes. Paris. 1876. Т. 15. P. 407.
10. Ibidem. P. 14. Нетрудно увидеть связь между великим утопическим социалистом А. Сен-Симоном и приведенными либеральными рассуждениями его предшественника Д. Дидро. Сен-Симон утверждал, что Франции гораздо больше нужны простые люди труда, чем знатные вельможи. Представьте себе, - писал он, - что Франция потеряла три тысячи своих ученых, ремесленников, художников. "Эти люди составляют настоящий цвет нации, так как они самые производительные французы... Потеряв их, нация тотчас стала бы телом без души" (*Сен-Симон А.* Избранные произведения. М.-Л., 1958. Т. 1. С. 430-431). И далее Сен-Симон предлагает представить себе другой случай. Франция потеряла высших представителей аристократии, всех государственных министров, кардиналов, епископов и сверх того "десять тысяч самых богатых собственников, ведущих образ жизни, свойственный дворянской знати" (там же). Французы как люди добросердечные были бы, разумеется, огорчены. "Но эта гибель тридцати тысяч человек, считающихся наиболее значительными в государстве, причинила бы боль лишь чувствительности, так как для государства из нее не произошло бы никакого политического несчастья". Ведь все эти представители высших сословий не способствуют прогрессу, больше того, они "вредят благосостоянию нации, лишая ученых, артистов и ремесленников принадлежащего им по праву высшего уважения" (там же, с. 433, 434). Совершенно очевидно, что социализм (правда, в его утопической форме) и либеральное мировоззрение находятся в несомненном идейном родстве.
11. *Милль Дж.Ст.* Утилитаризм. О свободе. СПб., 1900. С. 213-214.